

УДК 141.3

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕМИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ: ОТ ПРИРОДНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ ДО СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Семенова В.Э.

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижегород, e-mail: verunechka08@list.ru

В статье предпринимается попытка осмысления некоторых существующих в философии позиций относительно феминности и маскулинности. Обозначается отличие трактовки данных детерминант в традиционной онтологии пола, понимающей феминность и маскулинность в качестве естественных природных данностей, мифологизация которых обуславливает принципиально различные судьбы женщины и мужчины в обществе; и в современной гендерной теории, мыслящей феминность и маскулинность в виде социальных конструктов или проектов, поддерживающих существование традиционной реальности, а потому многократно воспроизводящихся посредством идеологии и образования. Дается исторический экскурс становления концепции андрагина и андрогинности как переходной позиции, определяющей роль феминной и маскулинной составляющих в конструировании идентичности субъекта. Делается вывод о непродуктивности данной концепции для анализа социальной действительности и бытия личности, поскольку она, в отличие от гендерной теории, носит метафизический характер и не позволяет обнаружить диалектику взаимосвязи человека и общества.

Ключевые слова: пол, гендер, феминность, маскулинность, андрогинность, андрогин

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF FEMININITY AND MASCULINITY: FROM NATURAL DETERMINANTS TO SOCIAL PROJECTS

Semenova V.E.

Nizhny Novgorod state University of architecture and construction,
Nizhny Novgorod, e-mail: verunechka08@list.ru

The article makes an attempt to understand some existing today in philosophy the relative positions of femininity and masculinity. Indicated by the difference in the interpretation of the determinants in the framework of the traditional ontology of sex, understanding feminist and masculinity as natural realities, which determines the firmness of a fundamentally different fates of women and men in society; and in contemporary gender theory, thinking femininity and masculinity as social constructs or projects that support the existence of traditional reality, and therefore repeatedly reproduced through ideology and education. Given historical review of the formation of the concept androgyny and androgyny, as a transitional position that defines the role of the feminine and masculine components in the construction of identity of the subject. The conclusion about the unfruitfulness of this concept for the analysis of social reality and of existence of the individual, since it, unlike gender theory is metaphysical in nature and ignores the dialectic of the relationship of man and society.

Keywords: sex, gender, femininity, masculinity, androgyny, androgyny

Современная социальная реальность особенно остро ставит на повестку дня проблему бытия пола. Дело в том, что научные изыскания XX века проблематизировали факт незыблемости предопределенности личностных черт, характера социальной активности субъектов, исходя из их половой данности. Пол больше не воспринимается как бесспорная судьба человека. То, что прежде казалось обусловленным «естественной» биологической природой субъекта, сегодня убедительно обосновывается как результат воздействия социальных оснований и собственной активности человека, «делающего» свой социальный пол в пространственной плоскости двух основных символических аспектов – феминность и маскулинность. Беспредельный процесс и результат созидания себя в качестве жен-

щины, мужчины или других возможных вариаций в научном дискурсе получил название гендера.

Результаты исследования и их обсуждение

Гендер многолик и многогранен; он не может мыслиться в качестве завершенного конструкта, поскольку является постоянно становящимся в процессе социального взаимодействия и межличностного общения субъектов. Ускользающая определенность гендера обусловлена его диалектической взаимосвязью с такими стратификационными категориями, как раса, этнос, религиозная и классовая принадлежность, возраст.

В этой связи бытие гендера гораздо богаче и противоречивее, чем бытие пола в традиционном его понимании. Это может

объясняться тем, что пространство гендера с координатами феминность – маскулинность вписано в систему значимых социальных детерминант, что делает субъектов, их мир и отношения более многообразными. Именно поэтому сегодня невозможно дать однозначный ответ на вопрос о том, в чем состоит сущность понятий «женщина» и «мужчина», через какие содержательные характеристики они определяются. Единственное незыблемое базовое различие состоит в биологическом поле, который вовсе не предполагает принципиального отличия других характеристик, над ним надстраивающихся [4; 10]. Женщина и мужчина постепенно не просто теряют принципиальную полярность, но и вовсе растворяются в бесконечно разнообразных вариациях возможных социальных характеристик. Именно поэтому постмодернистские теоретики делают свое шокирующее и вызывающее некоторый методологический испуг открытие, состоящее в том, что женщина и мужчина больше не существуют [1; 6].

Современный научный поворот к утверждению бытия гендера, надстраивающегося над бытием пола, переводит феминность и маскулинность из статуса природных данностей в разряд социальных конструкторов, проектов [13], вплетенных в объективную и субъективную реальности. С символической точки зрения они могут позиционироваться в качестве монолитных мифологизированных сущностей, представленных посредством визуальных образов, символов, дискурсов, транслирующих иерархическую структуру власти. В этой связи данные мифологемы выглядят институционализированными монолитами, существующими на основе самовыстраивания, самоподдержания и саморазрушения.

В свое время рассматриваемые культурные метафоры феминности и маскулинности были использованы в качестве методологических оснований биодетерминистской онтологии и гносеологии пола, которые четко очерчивают непересекающиеся пространства женского и мужского, утверждают жесткую оппозицию данных мифологем, а также всего того, что с ними ассоциируется. С аксиологической точки зрения подобное противопоставление имело решающее значение, поскольку со времен Аристотеля маскулинность и все соотносящиеся с ней понятия и характеристики стали рассматриваться в качестве культурно значимых, социально ценностных. Феминность, напротив, определялась в разряд негативного, антиценностного, требующего жесткого контроля и подавления [9].

Подобная традиция миропонимания во многом обусловила выстраивание социальной реальности по маскулинному канону, нивелировавшему феминную составляющую, нарушая тем самым диалектическое единство данных онтологических оснований. В этой связи игнорирование и подавление феминности на уровне теории и практики способствовало возникновению и развитию множества негативных тенденций в социальной реальности, периодически дающих о себе знать в виде различного рода кризисов.

Понимание необходимости выстраивания принципиально иного бытия феминности – маскулинности не как взаимоисключаемых альтернатив индивидуальных практик, а как диалектически взаимосвязанных проявлений субъектной активности было достигнуто в современной гендерной теории, сумевшей преодолеть методологические затруднения феминизма, одним из первых проблематизировавших традиционный подход к обозначенному вопросу. Неслучайно в работах современных гендерных исследователей вводится такое понятие, как «гендерная субъектность», которое, к примеру, с позиций психологического понимания рассматривается в качестве важнейшей характеристики личности, связанной с ее активностью в овладении культурными знаками гендера и процессом конструирования гендера на индивидуальном уровне (как реализацией присвоенного), находящей свое проявление в различных эффектах социальных репрезентаций и саморепрезентаций (действиях, высказываниях, оценках, моделях поведения и т.п.). Гендерная субъектность есть результат использования в процессе социального познания гендерной категоризации и самокатегоризации, связанный с определенной внутренней позицией личности, обуславливающей систему ее отношений к миру, другим и самой себе, через которую преломляются все внешние воздействия и которая позволяет личности делать осознанные выборы, совершать те или иные поступки [11].

Своего рода переходной от традиционной позиции, определяющей роль феминной и маскулинной составляющих в конструировании идентичности субъекта, необходимо обозначить теорию андрогинности С. Бем [2]. Согласно первоначальной точке зрения автора все люди могут быть отнесены к одному из четырех типов личности: феминный, маскулинный, андрогинный и недифференцированный. Андрогинны – это те, кто имеют одинаково высокий уровень как феминных, так и маскулинных

качеств. Феминная личность предполагает доминирование качеств женственности, а маскулинная – качеств мужественности. Недифференцированные субъекты характеризуются низкой степенью представленности как феминных, так и маскулинных качеств.

Следует отметить, что эта теория была первой попыткой отхода от традиционных гендерных стандартов, необходимости соответствия личности требованиям «половой адекватности». По словам С. Бем, она признавала возможность женщин и мужчин совмещать в своей личности феминные и маскулинные качества и настаивала на преимуществах такого сочетания, что в дальнейшем было подтверждено некоторыми исследованиями, обнаружившими связь андрогинии с ситуативной гибкостью, высоким самоуважением, мотивацией к достижениям, субъективным ощущением благополучия и др. [4].

Однако впоследствии С. Бем отказалась от своей концепции андрогинии, сочтя ее не совсем корректной по ряду причин. Во-первых, эта концепция поддерживает существующую в обществе гендерную поляризацию, во-вторых, сосредотачиваясь на личности, она не предлагает анализа гендерного неравенства и фактически отвлекает внимание от подобного рода проблем, и наконец, в-третьих, с позиций андрогинии маскулинность и феминность имеют независимую реальность, что не позволяет понять их истинную сущность как социокультурных конструктов. Иными словами, акцент на андрогинии исключает анализ гендерной стратификации и ее последствий, «делает невозможным понимание того, как гендер организует наше восприятие и нашу социальную жизнь» [2, с. 329]. Подчеркнем, что современная гендерная теория считает концепцию психологической андрогинности несостоятельной, а сама С. Бем сегодня предпочитает работать в рамках других предложенных ею теорий – гендерной схемы и линз гендера.

Примечательно, что С. Бем не первой обратила свое внимание на феномен андрогинности и на андрогина как некоего субъекта. В психологической науке об андрогинности, как глубинной особенности человеческой психики, впервые заговорил К.Г. Юнг [14]. Он отмечал, что природный андрогин в жизни в большинстве случаев становится «только-женщиной» или «только-мужчиной». При этом, с его точки зрения, обе эти формы существования являются ущербными и нуждаются в восстановлении изначальной целостности. Таким образом, согласно трактов-

ке К.Г. Юнга, андрогинность есть особое свойство человеческой личности, достигшей достаточно высокой степени своей внутренней гармонии. И в качестве примера такой личности, где все противоположности разрешены в «андрогинной взаимодополнительности и единстве», К.Г. Юнг писал об Иисусе Христе.

Что касается традиции рассмотрения андрогина в философии, то она восходит к диалогу Платона «Пир». По мысли философа, у андрогинов было три пола. Один происходил от Солнца – мужской пол, женский – от Земли, а третий пол состоял из женского и мужского одновременно – дитя Луны. Из диалога становится известно, что данная особенность сочеталась с невероятной физической силой и честностью ни в ком не нуждавшихся перволюдей, пользовавшихся на власть богов. Дабы разрушить их планы Зевс разделил андрогинов на две половинки, после чего каждая из них устремилась друг к другу [8].

Необходимо отметить, что появление в данном диалоге столь необычного первочеловека, встречающегося в мифологии различных народов мира, не случайно. Дело в том, что андрогин понадобился Платону для объяснения природы гомосексуальности, являвшейся неотъемлемой частью культуры Древней Греции и рассматривавшейся в качестве достоинства. Разделенный надвое каждый из трех полов с тех пор ищет свою утраченную половинку: прежний целый мужчина – мужчин, прежняя целая женщина – женщин, а совмещавший в себе женское и мужское – половинку другого пола. Как бы то ни было, Платон, возможно, сам того и не желая, задал некий импульс дальнейших философских изысканий в рамках проблемы андрогина и андрогинности.

К примеру, концепции андрогина активно разрабатывались философами-идеалистами XIX и XX веков. Среди них можно выделить немецких философов-мистиков Я.Беме и Ф. Баадера. Они полагали, что первочеловек был андрогинен и его женская составляющая была воипостазирована Премудростью Божьей [5]. После грехопадения человек перестал быть андрогином, воплощавшим в себе единство формообразующих принципов, органов или же соединение общеродовых способностей в одном теле. Утрата андрогинности предполагала отход от божественного замысла, поскольку и Адам, и Христос соединяли в себе женское и мужское в единый андрогинный образ. Иными словами, в духовном плане единство феминной и маскулинной составляющих в человеке есть воплощение

истинного человека, божественного идеала, к которому должны стремиться люди.

Согласно Ф. Баадеру, единственным средством, позволяющим человеку реализовать божественный замысел, являются половые отношения. Цель брачной любви, по мнению мыслителя, состоит не в продолжении рода, а в стремлении восстановить утраченную первоначальную андрогинную природу человека, «помочь мужчине и женщине воссоединить внутри себя завершённый и исполненный полноты человеческий образ, который зовется божественным или изначальным образом» [7, с. 95].

Под влиянием идей немецких религиозных мистиков учение об андрогине разрабатывал известный русский мыслитель В. Соловьев. В произведении «Смысл любви» философ христианизует миф Платона об андрогине [12]. Он заявляет андрогинность в качестве фундаментального свойства человеческой природы, возврат к которой как к образу Божию означает обретение блаженства и стяжание бессмертия [5]. Согласно В. Соловьеву, бессмертие человек может получить лишь восстановив андрогина как нечто духовное, а не телесное, при помощи мистического квазибрачного союза женщины и мужчины [12].

С нашей точки зрения, в концепции андрогина важной является мысль о том, что земной наличный пол отображает и греховно искажает изначальную представленную в высочайшем андрогине Христе внутрибожественную полярность маскулинного и феминного, как начал активного и пассивного, творящего и тварного. И только идеальная любовь, соединяя женщину и мужчину в одного андрогина, способна уподобить возникшее новое духовное существо Христу, восстановить расколотый пополам образ Божий [5].

Таким образом, для гармоничного существования человека как духовной целостности феминной и маскулинной составляющих В. Соловьев полагал возможным соединение двух представителей противоположного пола в духовно-брачном союзе. Идея о достраивании единичным человеком гармонии феминного и маскулинного внутри самого себя была для В. Соловьева, как впрочем и для многих других мыслителей того времени, просто недопустима, поскольку противоречила существовавшей на тот момент онтологии пола.

Переосмысленное учение об андрогине представил в своей антропологии Н. Бердяев. Философ, заявляя о божественности человека, интерпретировал андрогина по-своему [3]. Н. Бердяев полагал, что необходимое движение человека в на-

правлении преобразования в андрогина включено в своеобразно понимаемое мыслителем Христово дело. Кроме того, андрогин Н. Бердяева – это обретшая свое ноуменальное лицо, восстановленная в своей первозданности муже-женская природа отдельного человека [5]. При этом, по Н. Бердяеву, андрогинность, как девственность, софийность – это свойство отдельного человека, которое скрыто под коркой греха. Даже в падшем наличном бытии женщины и мужчины русский религиозный философ обнаруживал присутствие слабо проявленного противоположного начала [3]. И если у В. Соловьева любовь создает единого андрогина из любящих женщины и мужчины, то у Н. Бердяева она позволяет каждому из них раскрыть его в самом себе [3]. Иными словами, Н. Бердяев идет гораздо дальше В. Соловьева, ибо мыслит возможность бытия феминного и маскулинного в одном человеке, хотя и лишь посредством любви к представителю противоположного пола. Знаковость данной идеи в том, что она во многом стала отправной точкой для последующей проблематизации традиционной онтологии пола.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что процесс перехода научного дискурса от онтологии пола к бытию гендера был представлен множеством идей и позиций, каждая из которых пыталась по-своему выстроить специфику взаимоотношений феминного и маскулинного как знаковых детерминант. При этом современная гендерная теория отрицает продуктивность концепции андрогина и андрогинности для анализа социальной действительности и бытия личности, поскольку она носит метафизический характер и не позволяет обнаружить диалектику взаимосвязи человека и общества. Предлагает рассматривать феминность и маскулинность в качестве знаковых социальных конструкторов, воссоздаваемых культурой посредством идеологии, образования и воспитания, а также конструирующих и поддерживающих традиционную социальную реальность.

Список литературы

1. Агафонова Е.Е. Анализ проблемы идентичности в постмодернистском феминизме: дис. ... канд. соц. наук. – М., 2010. – 170 с.
2. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 254–534.

4. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 318 с.
5. Бонецкая Н.К. Андрогин против сверхчеловека // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 81–95.
6. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.
7. Иванова-Казас О.М. Гермафродиты, интерсексы и андрогин в мифологии, философии и природе // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». – 2012. – Т.4, № 1. – С. 90–96.
8. Коржунова Е. Об андрогинах, двух половинках и синглтонах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/01/08/795> (дата обращения: 25.05.2015).
9. Семенова В.Э. Теоретико-методологические поиски феминизма в пространстве проблемы «равенство – различие» // Человек. Сообщество. Управление. – 2009. – № 3. – С. 42–48.
10. Семенова Л.Э. Проявления гендерной субъектности в контексте личностного становления детей с нормальным и проблемным психическим развитием. – Н.Новгород: НГПУ, 2009. – 121 с.
11. Семенова Л.Э. Становление ребенка как гендерного субъекта в процессе личностного развития в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте в условиях онто- и дизонтогенеза: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Н.Новгород, 2010. – 49 с.
12. Соловьев В.С. Смысл любви // Русский космизм. – М.: Педагогика, 1993. – С. 97–102.
13. Тартаковская И.Н. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сборник научных статей. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2003. – С. 42–70.
14. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
4. Bern SH. Gendernaya psihologiya. Spb.: Praym-EVROZNAK, 2001. 318 p.
5. Bonetskaya N.K. Androgin protiv sverhcheloveka // Voprosy filosofii. 2011. no. 7. pp. 81–95.
6. Voronina O.A. Feminizm I gendernoe ravenstvo. M.: Editorial URSS, 2004. 320 p.
7. Ivanova-Kazas O.M. Germafrodity, interseksy I androginy v mifologii, filosofii i prirode // Mezhdunarodniy nauchnyy i prikladnoy zhurnal «Biosfera». 2012. T.4, no. 1. pp. 90–96.
8. Korzhunova E. Ob androginah, dvuh polovinkah i singltonah [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.proza.ru/2011/01/08/795> (data obrascheniya: 25.05.2015).
9. Semenova V.E. Teoretiko-metodologicheskie poiski feminizma v prostranstve problemy «ravenstvo razlichie» // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2009. no. 3. pp. 42–48.
10. Semenova L.E. Proyavleniya gendernoy subektnosti v kontekste lichnostnogo stanovleniya detey s normalnym i problemnym psihicheskim razvitiem. N.Novgorod: NGPU, 2009. 121 p.
11. Semenova L.E. Stanovlenie rebenka kak gendernogo subekta v protsesse lichnostnogo razvitiya v starshem doshkolnom i mladshem shkolnom vozraste v usloviyah ontologii i dizontogeneza: Avtoref. dis. d-ra psihol. nauk. N.Novgorod, 2010. 49 p.
12. Solovev V.S. Smysl lyubvi // Russkiy kosmizm. M.: Pedagogika, 1993. pp. 97–102.
13. Tartakovskaya I.N. «Nesostoyavshayasya maskulinnost» kak tip povedeniya na rynke truda // Gendernye otnosheniya v sovremennoy Rossii: issledovaniya 1990-h godov: sbornik nauchnykh statey. Samara: Izdatelstvo «Samskiy universitet», 2003. pp. 42–70.
14. Yung K.G. Dusha i mif. Shest arhetipov. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya unoshestva, 1996. 384 p.

References

1. Agafonova E.E. Analiz problem identichnosti v postmodernistkom feminizme: dis. ... kand. sots. nauk. M., 2010. 170 p.
2. Bem S. Linzy gendera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2004. 336 p.
3. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva // Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. pp. 254–534.

Рецензенты:

Волкова В.О., д.ф.н., профессор кафедры «Методология, история и философия науки», Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород;

Агеева Е.Ю., д.ф.н., доцент, профессор кафедры архитектуры, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород.